

Руслан СЕМЯШКИН

ТРУДЫ И ДНИ САБИТА МУКАНОВА

125 лет назад, 26 апреля 1900 года, в далеком полукучевом ауле Северо-Казахстанской области в семье батрака родился выдающийся казахский писатель, один из основоположников казахской литературы Сабит Муканов. Разумеется, босоногим пацаненком, носившимся по окрестностям небольшого аула, он и представить себе не мог, что станет писателем, большим самобытным писателем и одним из основоположников казахской советской литературы – явления в общенациональном культурном наследии Казахстана уникального, в чем-то может и противоречивого, неоднозначно сегодня трактуемого, но выполнившего свою определенную положительную, воспитательную роль, нуждающегося в новых исследованиях и, в первую очередь, в непредвзятом прочтении. Да, именно в прочтении. Неспешном, вдумчивом прочтении, способном увлечь, обогатить новыми знаниями и представить возможность задуматься, порассуждать, сравнить картины прошлого с днем нынешним.

Сабит Муканов известен прежде всего тем, что пришел он в казахскую литературу в переломное и непростое время, наставшее на казахской земле после Октябрьской революции. Время, в котором суждено было творить Саке-ну Сейфуллину, Беимбету Майлину, Ильясу Джансугурову, Мухтару Ауэзову, Габиту Мусрепову, Габидену Мустафину и другим первопроходцам, начальный путь которых в литературе был сложным и уж тем более далеким от все-народного признания, которое следовало еще заслужить. О пути, связанном с рождением писательского таланта, Муканов много лет спустя поведаст в своей трилогии «Школа жизни», – автобиографическом широком полотне, благодаря искренности и дарованию автора ставшем эпическим повествованием, убедительно и красочно раскрывающем многие характерные черты казахской действительности с начала тысяча девятисотых годов и до 1935 года.

Вклад Муканова в советскую литературу нельзя ограничивать только шестнадцатью томами собрания его сочинений на родном языке. Вместе с С. Сейфуллиным, М. Ауэзовым, Б. Майлиным, И. Джансугуровым, Г. Мусреповым, Г. Мустафиным он закладывал основы казахской советской литературы. Книгам его суждена долгая и счастливая судьба, а имя Сабита Муканова навсегда сохранится в благодарной памяти народа.

По случаю восьмидесятилетнего юбилея со дня рождения писателя, отмечавшегося в Казахской ССР весной 1980 года, о нем подробно выскажется известный казахский поэт и драматург, доктор филологических наук Абдильда Тажибаев: «Кем был Сабит Муканов? На первый взгляд, наивный вопрос. Но только на первый, потому что однозначно на него не ответишь. Прозаиком? Поэтом? Драматургом? Литературоведом и критиком? Организатором нового, советского писательского отряда в республике? Каждое из этих определений будет неполным. И уже в который раз, пытаюсь как можно точнее и, следовательно, справедливее определить призвание Сабита, я хочу употребить емкое и высокое слово: он был и остается одним из лучших учителей своего народа, преподававшим предмет, имя которому – новая, пролетарская литература».

Кому-то эти слова могут показаться слишком прямолинейными и даже несколько категоричными. Да и какой смысл ныне напоминать об этой «пролетарской» литературе, тем паче что Муканова прежде всего, вне всякого сомнения, следует воспринимать как крупного национального художника? Верно, о нем необходимо рассуждать именно в этом ракурсе, но не стоит забывать и о

том, что писатель был ребенком своего непростого, чрезвычайно беспокойного, тревожного, драматичного, судьбоносного времени, поставившего его в ряд зачинателей казахской советской литературы, выражавшей интересы тех же пролетариев, которые стали появляться и на казахской земле. Ну а сам Муканов, в юные годы бывший аульным мальчиком-поэтом, исполнителем айтысов, а потом учителем, так как едва освоив азы грамоты, немедленно начнет обучать своих сверстников; отслужив в губкоме и в отряде ЧОНа, отучившись в Оренбургском рабфаке, в Институте красной профессуры в Москве (на литературном отделении), в Ленинградском университете, станет в результате ответственным секретарем КазАППа – Казахской ассоциации пролетарских писателей (председателем ассоциации являлся Сакен Сейфуллин), а в 1936 году его изберут председателем правления Союза писателей Казахстана. «Был я счастливым в те годы тем, – признается писатель десятилетия спустя, – что судьба тесно связала меня с делами Союза советских писателей СССР, когда им непосредственно руководил Алексей Максимович Горький. Много раз я слушал доклады и выступления основоположника социалистического реализма, имел счастье встречаться и беседовать с великим писателем». Потому-то, думается, Абдильда Тажибаев в 1980 году совсем не покривил душой, когда высказывался о своем старшем товарище и о его принадлежности к советской литературе.

«...Муканов, особенно в годы первых пятилеток, со всей энергией работал практически во всех жанрах литературы, – продолжит далее вспоминать Тажибаев. – И объяснялось это не только широтой его дарования. Муканов входил в жизнь и литературу в сложный период зарождения нового, пролетарского искусства, период, полный дискуссий, противоречивых точек зрения, столкновений мнений и оценок... Благодаря помощи и заботам Муканова в советской казахской поэзии зазвучал голос молодого рабочего поэта Калмакана Абдыкадырова, вошел в многонациональную советскую литературу Таир Жароков, без которых немислимы сегодня наша поэзия и проза, их традиции и художественный уровень.

Не знаю, как бы сложилась моя жизнь без участия в ней Сабита, ибо и личную свою писательскую судьбу я связываю с именем Муканова. Он частенько собирал молодых литераторов у себя дома, заставлял нас много читать, спорить, постигать смысл и существо новой, социалистической жизни.

Будучи долгие годы руководителем писательской организации Казахстана, Сабит Муканов вслед за публикацией в прессе народнохозяйственных планов республики всегда составлял и соответственный план работы Союза писателей Казахстана. Разумеется, речь шла не о буквальном планировании писательской деятельности, творческого процесса. Сабита Муканова в первую очередь заботили контакты прозаиков, поэтов с рабочими, строителями важнейших объектов пятилеток. Без кровной связи с народом он не мыслил себе работы писателя».

К сему добавим, что от должности руководителя Союза писателей Казахской ССР Муканова освободят в 1951 году. В этой ответственной должности, вынуждавшей жертвовать собственным творчеством, писатель пребывал без малого полтора десятка лет. «В 1951 году, с разрешения руководящих органов республики, я освободился от работы председателя правления Союза писателей Казахстана и с тех пор почти все время отдаю творческой работе, – поведаст писатель в своей автобиографии, датированной 1 мая 1959 года. – Спрашивается, почему “почти”? Да потому, что я член Президиума ССП Казахстана и руковожу его секцией поэзии, член редколлегии казахской литературной газеты “Казах адабиети”, член редакционного Совета Казгослитиздата, член редколлегии журнала “Мадениет жане турмыс” («Культура и быт»), член уче-

ного Совета института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, член редколлегии “Истории Казахской ССР”, член учебно-методического Совета Министерства просвещения Казахской ССР, член художественного Совета Казахского Академического театра драмы...»

Пятидесятилетний юбилей со дня рождения в апреле 1950 года Муканов встречал будучи авторитетным писателем и общественным деятелем. К тому времени им были написаны такие крупные и заметные произведения, как поэмы «Альбом», «Батрак», «Балбопе», «Путь к Октябрю», «Ак-аю» («Белый медведь»), роман в стихах «Сулушап», романы «Сын бая», «Ботагоз», «Сыр-Дарья», повесть «Балуан-Шолак», а также практически две книги трилогии «Школа жизни». Благополучная писательская действительность в столице республики тогда уже никак не могла напоминать ему голодное, полное нужды детство и тревожную, наполненную опасностями юность. Но Сабит Муканович о них не забывал, и не только потому, что решил поведать о детских и молодых годах в «Школе жизни», а и по той причине, что в них зарождались истоки его таланта, начавшего формироваться в самой гуще народной жизни.

Сын батрака, он, по всей видимости, должен был разделить судьбу своего отца. «Отец мой – Мукан, от имени которого я взял фамилию, был неграмотным, забитым человеком, – напишет он в своей автобиографии. – Умер он в глубокой нужде в 1906 году, когда ему было пятьдесят пять лет. В следующем году умерла мать – Балсары. За сорок девять лет своей жизни она тоже много перестрадала... У моих родителей было тринадцать дочерей, многие из них умерли в ранние годы, а те, кто достиг совершеннолетия, были проданы за калым и по существу стали рабынями. Я – единственный мальчик – явился на свет предпоследним ребенком; оставшись круглым сиротой, не имея средств к существованию, я с семилетнего возраста перешел на самостоятельную трудовую жизнь, выполнял разную физическую работу».

Мальчик этот окажется восприимчивым к устному слову. «Я хорошо помню тот момент, когда мне вздумалось сочинить собственные стихи, – рассказывает писатель в автобиографии. – Шел мне двенадцатый год. Как-то поссорился я с моим дядей Мустафой (об этом подробно написано в первой книге автобиографического романа “Школа жизни”) и в буранную ночь убежал из его дома. Аул наш был расположен среди низкорослых кустарников-раkitников и был занесен до крыш сугробами снега. В сильную метель, в темную ночь, направляясь к дому другого родственника, я потерял дорогу, заблудился. Одет я был очень плохо, и мне угрожала смерть; спотыкаясь на каждом шагу, теряя силы, я неожиданно оказался на кладбище нашего аула и нашел защиту от ветра и снега в одном из надмогильных сооружений. Немного придя в себя, согревшись, я начал слагать песню о своей злосчастной доле... Меня выручил тогда бродяга из нашего аула по имени Самайке. Песню эту я пел потом много раз. Навряд ли складна была моя первая, давно забытая мною песня, тем не менее, исполняя ее, я не раз заставлял плакать некоторых сердобольных моих слушателей... Так началась моя творческая деятельность».

Профессиональным писателем Муканов, конечно, станет значительно позже. Собственно, профессионализма, в общепринятом широком его понимании, следовало еще достичь. И на этом пути Сабиту пришлось изрядно потрудиться. «Писать по-настоящему я научился лишь в 1918 году, – вспоминал писатель, – то есть после того, как организовались первые казахские национальные школы (мектебы) в аулах. Мой первый учитель – Хамит Махмудов, родной брат известного казахского современного писателя Габита Мусрепова, жив и здоров по сей день, награжден орденом Ленина за выслугу лет и, несмотря на свой преклонный возраст, преподает в аульной начальной школе. У Махмудова я на-

учился правильно писать по-казахски и четырем действиям арифметики. Я начал излагать свои стихи на бумаге. Большинство этих стихов было посвящено тяжелой жизни дореволюционной казахской бедноты, особенно горькой участи женщины. Но мне не хватало тогда знаний, культуры общей и профессиональной, отчего стихи мои были поверхностны, описательны».

Творческий путь Муканова не был сплошь успешным, на нем встречались отдельные неудачи и творческие срывы. Но в целом ему посчастливилось познать известность и славу, уважение и любовь читателей, заслужить высокие государственные награды. Писательский успех Муканова исходил из народности творчества, умения улавливать в повседневной жизни казахов то характерное, что наиболее полно отражало типичные черты его современников.

Муканов всегда стремился идти в ногу со временем, о чем в январе 1945 года на страницах «Казахстанской правды» жителям республики говорил и Мухтар Ауэзов, также отмечавший, что его товарищ по писательскому сообществу «создал поэтическую летопись превращения некогда отсталого Казахстана в передовую индустриально-аграрную республику. Герои поэтических и прозаических произведений Сабита воплощают лучшие качества казахского народа – патриотизм, свободолюбие, веру в светлое будущее и его нерушимое содружество с великим русским народом. Лучшие создания Муканова давно уже вошли в школьные хрестоматии. Идейным содержанием своих книг, личной поддержкой он содействовал становлению многих казахских поэтов и писателей».

Полнокровная литературная деятельность Муканова началась с 1920 года, когда он решил заявить о себе в качестве поэта. За последующее десятилетие он напишет свыше ста тематически разнообразных лирических стихотворений, тринадцать поэм, три рассказа, одну повесть, два романа – один в стихах, другой в прозе, а также десятки критических статей.

Значительным творческим достижением тех лет станет его роман в стихах «Сулушаш», вышедший отдельной книгой в 1928 году. В последующие годы Сабит Муканович внесет в первоначальный текст этого произведения ряд изменений.

Сюжет этого стихотворного романа основан на народной легенде. Известен на её сюжет и народный кюй «Кокей кескен» («Поражающее чувство»). Суть же этой истории сложена на таких событиях. Бай Тлеуберды женится на красавице Алтынай. Отец невесты дает своей дочери богатое приданое, а вместе с ним раба Шунака и рабыню Тезек, которые вскоре полюбят друг друга.

У Тлеуберды и Алтынай родится дочь – Сулушаш, а у Шунака и Тезек сын – Алтай. Дети будут дружить, впоследствии дружба перерастет в любовь. Но Сулушаш решит засватать за своего сына бай Байбосын. Девушка за байского сына выходить замуж откажется. И тогда ее увезут силой. Такая же участь постигнет и брата Алтая Ермека. Тогда Алтай со своим другом Кайсаром, таким же пастухом-табунщиком, как и он сам, освободят Сулушаш и Ермека. Затем они убегут и скроются в горах. При переправе через реку Ермека унесет поток, Кайсар же погибнет во время охоты. А на Сулушаш нападет тигр, и она, спасаясь от хищника, прыгнет с вершины горы в воду и погибнет. Преследователи тем временем подожгут лес в горах. И Алтай, стоявшего над трупом любимой, окружают столбы пламени. Но он не дастся врагам в руки, умирая, Алтай вонзит кинжал в собственное сердце.

За этой вроде бы незамысловатой любовной драмой просматривался куда как более глубокий смысл. Муканов, формировавшийся как писатель на казахской литературе и фольклоре, а также под влиянием русской классической и молодой советской литературы, в романе «Сулушаш» по существу рассуждал

о человеке, его судьбе, о естественных правах, вроде бы дающихся ему с момента рождения самим провидением. Если же взглянуть на это произведение более приземленно и менее поэтично, то можно констатировать, что писатель на конкретном материале из жизни аульных рабов и батраков поставил вполне конкретный гуманистический вопрос. И суть его в том, что раб и батрак тоже люди, способные любить и ненавидеть, а их чувства искренни и благородны.

Вообще же в тот начальный период своего творчества, относящийся к двадцатым – началу тридцатых годов прошлого века, Муканов достигнет значительных творческих успехов: напишет первый прозаический роман «Ада-скандар» – «Заблудшие» (в русском переводе в 1935 году роман получит название «Сын бая»), рассказы, роман в стихах, сюжетные поэмы, введет в обиход казахской литературы публицистическую гражданственную поэзию. В этих сочинениях он широко раздвинет рамки казахской литературы и обогатит ее показом простых соплеменников, людей сильных, трудолюбивых, строящих новую жизнь.

Много лет спустя Муканов свой первый роман значительно переработает и дополнит. Так «Сын бая» перерастет в «Светлую любовь» – роман о любви, рождавшейся в детские годы, когда мальчик и девочка могли беззаботно дружить и не задумываться о будущем. Но суровая действительность первых советских лет диктовала свои условия. И о них Муканов в своем романе также поведает.

После поэтических поисков начала тридцатых годов, отмеченных целым рядом гражданственных стихотворений и поэмой «Белый медведь», Муканов вплотную подходит к созданию прозаических произведений, среди которых наиболее заметными станут романы «Темиртас», «Эсиль» (эти два романа останутся незавершенными), «Ботагоз», «Сыр-Дарья», «Степные волны», трилогия «Школа жизни», незавершенная трилогия «Промелькнувший метеор», повести «Друзья», «Балуан-Шолак», «Сын пастуха», рассказы «Байга», «Золотой край», «Сын труда», «Даир Тасыбеков», «Два дня», «Богатырь, выгнавший царя», «Золотой ребенок», «Чудесный курорт», «Счастье найдено», «Повариха», книги очерков «Путешествия», «На целине родной земли».

Историческим судьбам казахского народа и революционным преобразованиям Муканов посвятит свой роман «Ботагоз», впервые опубликованный в 1938 году и в последующие десятилетия считавшийся одним из самых лучших, выразительных его романов, повествующих о революционных событиях и духовном формировании сознательных соплеменников, вставших на путь борьбы за новую жизнь.

«Ботагоз» – большое историческое полотно, но, пожалуй, прежде всего следует хотя бы вкратце отметить цельность и привлекательность некоторых его героев. Разумеется, особо выделяется сама Ботагоз – мужественная народная выдвигенка, ставшая на путь революционной борьбы, верная и любящая подруга, заботливая мать. Муканов представит ее читателю в образе возвышенной натуры, характером схожей с Сулушаш. Но последняя олицетворялась с легендой, а Ботагоз выписывалась на живом материале, потому и выглядит она правдоподобно, хотя писатель ее все же несколько идеализировал. Немаловажно при сем отметить и то, что Сулушаш, оберегая свое личное счастье, убежит от общества, попытавшись найти спасение от людей. А вот Ботагоз бежать от людей не собиралась, свое личное счастье и благополучие она воспринимала лишь в единстве с народом, из низов которого она и вышла.

Не лишены яркости образы Амантая и аульного учителя, отзывчивого, человечного, доброго и справедливого Аскара. Человек богатырской воли и духа, Амантай, завоевав всеобщую любовь повстанцев своей храбростью и мужеством, становится во главе восстания. Так перед нами уже предстает не только

вожак, а и политик. Да, выполнить задуманное он не сможет, после кровопролитных боев повстанцы будут разбиты и ему придется спасаться бегством. Но уже сама возможность появления в народе таких лидеров говорила о многом. Собственно, заслуга Муканова в том, что, изображая картины недалекого для него прошлого, он стремился показать казахский народ, лучших его сынов и дочерей, пользующихся народным доверием и способных на решительные действия. В этом в основном и заключается национальный дух романа, в советское время на русском языке неоднократно переиздававшимся.

Роман Сабита Муканова перерос рамки своего заглавия, а вместе с тем и рамки авторского замысла. Задуманный как повествование о судьбе казахской девушки Ботагоз, он стал повествованием о судьбах народа. Это несомненное достоинство романа.

Союзную известность завоеует и роман Муканова «Сыр-Дарья», написанный им в 1947 году. Переведенный на русский язык Леонидом Соболевым, он также несколько раз будет переиздан. Любопытно и то, что писатель решит свое повествование начать с посвящения: «Одному из передовых людей нашего времени, прославленных своими трудовыми подвигами, лауреату Сталинской премии, Герою Социалистического Труда Ибраю Жакаеву, рисоводу, давшему мировой рекорд урожая, другу моему, чей образ стоял передо мной, когда я писал о Сырбае, — с любовью посвящаю этот роман».

Образ старика-колхозника, неутомимого труженика, замечательного мастера рисоводства, большого знатока секретов и капризов Сыр-Дарьи Сырбая Дайрабаева в этом произведении заметный, но не центральный. И авторская задумка тут предельно ясна — Муканов отдавал предпочтение молодежи. Той самой молодежи, которая являлась движущей силой молодого Казахстана и в которую он свято верил, прекрасно осознавая и то, что именно ей принадлежит будущее.

Роман этот Муканов озаглавит названием мощной и капризной реки не случайно. Именно о разумном использовании ее ресурсов в нем и пойдет речь. Впрочем, по нынешним меркам и требованиям к экологии, история о сооружении большого канала кому-то может показаться далекой от современного понимания рациональности и разумных подходов к возведению подобных сложных гидротехнических объектов. Но не будем забывать, что события, описываемые Мукановым в романе, развивались более восьми десятилетий назад, в непростое предвоенное и крайне трудное военное время, в корне отличное от нынешнего. Посему и относиться к ним следует соответствующим образом, без переброски прямых параллелей с днем сегодняшним.

Основная тема романа «Сыр-Дарья» — борьба за покорение реки. И стержнем сюжета писатель таким образом делает сам процесс сооружения канала. Однако в повествовании мы столкнемся и с другими сюжетными линиями, связанными с дружбой народов, любовью и верностью, борьбой за высокие урожаи, единством фронта и тыла.

Полюбившие друг друга, а затем и поженившиеся Гульнар и Байжан становятся специалистами в своих сферах жизнедеятельности: она врачом, а он инженером по гидросооружениям. Поженятся и молодые колхозники Даулет и Айбарша. Мирно и счастливо, в созидательном труде проходила их жизнь на берегах Сыр-Дарьи вблизи Кзыл-Орды. Но начнется Великая Отечественная война. Даулет и Гульнар уйдут на фронт, где девушка потеряет ногу. Те же, кто останется в родных местах, несмотря на трудности военного времени, продолжат работы по сооружению канала и по созданию города Алмалыка, а также по разведению лесов на пустынной земле. Так Айбарша заменит в колхозе мужа, ставшего на войне Героем Советского Союза, а старый Сырбай, отец

Даулета, получит необычайно высокий урожай риса. В итоге завершится и строительство канала. Вода пойдет по пустынным просторам, соответственно, говорит Муканов, настанет пора цвести и сырдарьинскому краю. Собственно, общими усилиями бойцы фронта и тыла тогда одержат одну большую историческую Победу, восьмидесятилетний юбилей которой мы в этом году отмечаем на всем постсоветском пространстве.

Заметным творением Муканова следует считать и его небольшую одноименную повесть об известном дореволюционном певце-импровизаторе, мастере устно-поэтического творчества Балуан-Шолаке, написанную во второй половине тридцатых годов, позже дважды расширявшуюся, дополнявшуюся и публиковавшуюся в обновленных авторских изданиях.

Представляя эту повесть в редакции 1961 года, переведенную на русский язык М. Буралкиевым и И. Щеголихиным, Муканов в авторском предисловии писал: «Балуан-Шолак – прозвище не выдуманного, а реально существовавшего героя – Нурмагамбета Баймурзина. Он был замечательным певцом, талантливым композитором, незаурядным силачом, протестантом против социальной несправедливости, пользовался огромной популярностью среди казахского народа. В годы отрочества мне посчастливилось видеть Балуан-Шолака на одной из ярмарок в 1913 году и слышать его чудесные песни. Видел я, как любит его народ. Он был предательски убит казахским байством в 1916 году, накануне всеобщего восстания казахов. Байство боялось, что Балуан-Шолак окажется во главе этого национально-освободительного движения».

Последние годы жизни Муканов работал над большим историческим полотном, повествующем о выдающемся сыне казахского народа, ученом и путешественнике Чокане Валиханове. Увы, завершить этот труд писателю не пришлось... Но всё же он успеет написать две первые книги задуманной трилогии, получившей название «Промелькнувший метеор», известной в русском переводе Алексея Брагина.

Первый сигнальный экземпляр первого тома романа «Промелькнувший метеор», только что поступивший из типографии, Брагину в издательстве «Жазушы» вручат 18 апреля 1973 года. В этот же день Сабита Муканова не станет...

«А в марте и первой половине апреля мы вместе жили в санатории “Алатау”, – несколько позже расскажет Алексей Иванович. – Гуляли по утрам, радуясь горному весеннему солнцу, неожиданным снегопадам, сменявшимся снова ясным небом, перезвону капли и ручьев. Вечерами Сабит обычно звал к себе на чай, и комната его становилась своего рода литературным клубом. Чаще всего общим вниманием завладевал сам хозяин. Рассуждал, вспоминал, даже напевал, перебирая струны инкрустированной, заветной своей домбры. Необыкновенный рассказчик, наделенный юмором и умением воспроизводить детали и давних времен, и наших дней, он одинаково свободно посвящал нас и в древнюю историю Сибири, и в нынешнюю жизнь родного аула, и в цейлонские встречи, и в биографии писателей-современников. Но не меньше, чем о прошлом, говорил Сабит и о будущем – о своих планах».

Планам тем реализоваться было не суждено. Перед переводчиком же остро встанет вопрос о том, как работать над переводом второго тома романа о Валиханове. «Стоит ли говорить, что утрата Сабита, с которым я был связан дружбой не одно десятилетие, не позволила мне сразу же приступить к работе над переводом второй книги романа, – вспоминал Брагин. – Спустя некоторое время стали возникать сомнения уже этического и делового порядка. При жизни Сабита многое было достаточно просто. Я ему говорил, что такое-то описание надобно опустить, что оно не дойдет до русского читателя. А вот это место

нуждается в корректировках. Сабит порой соглашался, порой не соглашался со мной, объяснял мотивы того или иного поступка героя, его поведения, и в конце концов рождался вариант, приемлемый и для автора, и для переводчика. Когда в таких случаях возникали некоторые отступления от казахского текста, переводчик был защищен, как броней, письменной авторской визой.

Теперь же я оставался один на один с подстрочником... И если бы не “добро” издателей, родных и друзей Сабита, если бы не сознание долга перед ушедшим из жизни писателем, вряд ли бы я решился продолжить работу над “Промелькнувшим метеором”».

«Блестящим метеором», который «промелькнул над нивой востоковедения», назвал казахского самородка видный русский лингвист Н. И. Веселовский. И это определение стало крылатым. На редкость точно выражает оно суть жизни и подвига Валиханова, не дожившего до тридцати лет, но оставившего ярчайший след в истории своей страны. Потому и название романа «Промелькнувший метеор» представляется не только удачным, но и предельно естественным, само собой разумеющимся, будто бы другого нельзя было и придумать.

Работа над историческим материалом была непростой, но увлекательной. Да и сам жанр исторического повествования диктовал Муканову определенные формы, принципы, стиливые средства изображения. Впрочем, нельзя сказать, что писатель старался их строго придерживаться. Так он введет в произведение значительные по объему исторические справки и целые очерки. С одной стороны, исторический фон книг о Валиханове с познавательной точки зрения обогатится. И Муканов, с юности бродивший по чокановским местам, встречавшийся с его родичами, бывавший в Сырымбете, Омске, Талды-Курганской области, в Бурятии и даже в китайском Синьцзяне (куда наведалься в 1956 году во время писательской командировки в Китай), к тому же бывший прекрасным знатоком истории казахской степи, ее обычаев и культуры, в этом отношении проделает по-настоящему большую работу, позволившую читателям узнать много нового и интересного о славных и бесславных делах ханов, султанов, купцов, знаменитых батыров и певцов. Но вместе с тем художественное произведение, перенасыщенное обилием исторических справок, посвященных второстепенным фигурам, приобретет и своеобразный очерковый налет, его явно в художественном плане принижающий.

Тем не менее «Промелькнувший метеор» всё же стоит отнести к произведениям масштабным и значимым. Для нас, читателей современных, повествование это в первую очередь интересно тем, что мы имеем возможность познакомиться с реально жившими людьми, оставившими заметный след в национальной истории Казахстана. Первым из этого ряда представляется Чингиз Валиханов – отец Чокана, прямой потомок чингизидов, внук грозного степного владыки, кровожадного Аблая. К слову, от Аблая пошла и другая ветвь чингизидов, связанная с именем не менее колоритной фигуры – Кенесары Касымова, имевшего в начале XIX века большой вес в казахской степи (о нем интересно и достаточно выразительно поведает Ильяс Есенберлин в третьем романе «Хан Кене» своей знаменитой трилогии «Кочевники» в прекрасном переводе на русский язык Мориса Симашко). Отцы Чингиза и Кенесары Вали и Касым являлись родными братьями, внуки же Аблая станут смертельными врагами, им будет тесно вместе в просторной степи. В результате Чингиз примет деятельное участие в подавлении восстания Кенесары, за что и произведут его в подполковники и сделают ага-султаном нового Кусмурунского казахского округа.

Писатель изобразит Чингиза Валиханова как сложную и противоречивую натуру. Мы видим умного, образованного, горячо любящего своего сына Чока-

на человека. Не чужды ему иногда даже искренние порывы. Но вместе с тем Чингиз – расчетливый и мстительный феодал.

«Разделяй и властвуй! Убей ближнего, если он на твоём пути к власти!» – вот те известные заповеди, которые всегда внушались каждому отпрыску чингизидов. В такой атмосфере жестокости и властолюбия, враждебной умственному и духовному росту человека, Чингиз воспитывал и своего сына. И если в подобной среде выросла и сформировалась такая уникальная личность, как Чокан, то это произошло, скорее, наперекор среде, как следствие бунта против нее. Но Муканов, отметим, не стремился при этом упростить сам процесс становления личности своего главного героя. Да и не был путь его усеян розами. Уже в начале жизни он столкнется с той враждебной сущностью действительностью, которую не желал принимать и поддерживать. И в этом отношении показателен образ Шепе, родственника Чокана.

Шепе представляется уродливым порождением той атмосферы, которая царила в ханских ставках. Крепко усвоивший заповеди чингизидов, сей ханский отпрыск претендовал на роль духовного наставника Чокана, учил его лгать, насильничать, презирать чернь. И под таким влиянием Чокан был не прочь иногда созорничать, выказать строптивость и высокомерие.

Но тем не менее философия Шепе глубокой почвы в Чокане не найдет. Внутренне он тянулся к людям иного свойства: открытым, честным, благородным. И одним из таких в мукановском повествовании станет сын пастуха Жайнак – выходец их захудалого аула, где люди привыкли голодать и испытывать крайнюю нужду. Дружба с ним откроет глаза Чокану на совсем иной мир, на иных людей, которых в ставке презрительно называли «черной костью», рабами. С открытой душой Чокан потянется к нему. Запоминающейся в романе станет сцена, в которой Чингиз увозил Чокана в Омск на учебу, а сын вопреки воле отца завернет повозку в аул Жайнака, чтобы проститься с его умирающей матерью. Муканов здесь умело передаст психологическую суть и драматизм такой сцены: трагическую обреченность одних, сочувствие и сопереживание других и отчужденность третьих.

Сабит Муканов творил во всех литературных жанрах. Поэт, прозаик, публицист, драматург, литературовед, критик, он оставил потомкам богатейшее литературное наследие. Оставил он будущим поколениям и свою трилогию «Школа жизни», – откровенное повествование о возмужании и пути к творчеству, о котором в силу его литературной значимости и широты событийного охвата следует вести разговор отдельно. Оставил он, талантливейший первопроходец новой казахской литературы XX века, без сомнения, и добрую память о себе как об уникальной и неповторимой личности, почитаемой на казахской земле, той родной и прекрасной земле, которую он истово любил и которую ни за что на свете не смог бы променять на другую, пускай даже самую красивую и привлекательную. Сын великой казахской степи, Сабит Муканов навсегда останется творцом-символом, призванным вечно нести свою благородную духовно-просветительскую вахту-миссию.

